

Хоронить по-новому¹

АЛЕКСАНДРА
ШУРИНОВА

Новому человеку – новая смерть?

Похоронная культура раннего СССР

АННА СОКОЛОВА

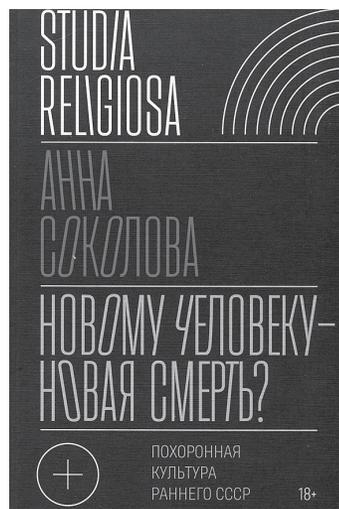
М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 456 с.

В последние десятилетия в мировом научном сообществе и публичном пространстве наблюдается устойчивый интерес к всестороннему изучению вопросов смерти, а также мемориальных практик, как современных, так и соотнесенных с исторической перспективой.

К настоящему моменту в академических исследованиях сложились несколько школ *death studies*, наиболее значимыми из которых являются американская и британская². Первая имеет скорее историко-культурологическую направленность, а вторая тяготеет к социологической. В отечественной науке изучение смерти пока не получило широкого распространения – некоторым это поле все еще представляется маргинальным, и, в том числе, вне академии смерть нередко оказывается вытеснена из публичного пространства.

Тем не менее *death studies* постепенно развиваются как в российской академической среде, так и в публичном поле. Из наиболее значимых исследований последних лет можно отметить работу Светланы Малышевой «“На миру красна”: инструментализация смерти в Советской России» (М.: Новый хронограф, 2019), где практики обращения со смертью в СССР рассматриваются как важные факторы формирования основных черт советской культуры. Здесь также нельзя не указать на Сергея Мохова – автора ряда исследований по истории смерти и похоронной индустрии³, а также главного редактора журнала «Археология русской смерти», выпускавшегося в 2015–2018 годах (№ 1–6).

Александра Шуринова (р. 1999) – историк, стажер-исследователь Центра изучения ментальных моделей и истории памяти Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 1 Публикация подготовлена в результате проведения исследования (№ 22-00-036 «Исторические надгробия и мемориальная культура в России XVIII – первой трети XX в.») в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».
- 2 PROTHERO S. *Purified by Fire: A History of Cremation in America*. Berkeley, 2002; WALTER T. *Death in the Modern World*. Los Angeles, 2020. Подробнее об этом см.: Мохов С.В. *Ситуация с «Death Studies» в современной науке* // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 230; ЕРЕМЕЕВА С.А. «Death Studies» – разговор о жизни и о будущем // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 237.
- 3 Мохов С.В. *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия*. М.: Common place, 2020; Он же. *Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России*. М.: Common place, 2021.

Немало в России и общественных инициатив, посвященных распространению *death studies*. По большей части существующие проекты связаны с некрополистикой, а она в свою очередь – с генеалогическими изысканиями, интерес к которым становится все заметнее⁴. Кроме этого, имеет место и музеефикация кладбищ – здесь ярким примером является музей «Тулский некрополь», созданный в 1990-е⁵.

Отдельно можно выделить просветительскую деятельность: например, подкаст «Смертельный номер», где обсуждаются разнообразные вопросы, связанные с темой смерти, а также петербургский проект «whaticemetery», цель которого привлечь внимание общества на состояние исторических кладбищ и внести вклад в сохранение надгробных памятников⁶.

Таким образом, количество общественных проектов и академических исследований смерти в России постепенно растет, и работа Анны Соколовой «Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР» поддерживает эту тенденцию. В монографии, ставшей результатом почти десятилетнего исследования, автор детально рассматривает, какие изменения претерпела похоронная культура довоенного периода СССР.

Акцент в работе делается на изучении рядовых советских похорон, что позволяет приблизиться к пониманию того, каким должен был быть «советский человек» и как он должен был относиться к смерти. В рамках становления «нового человека» автор анализирует процесс десемантизации смерти, называя его одним из ключевых элементов истории советской смертности и показывая его влияние на современное отношение к смерти в России.

Исследование также вносит вклад в дискуссию о том, можем ли мы назвать процессы, происходящие в раннем СССР, уникальными или же они являются частью перехода к современному обществу, затронувшего в начале XX века ряд других стран. Отвечая на этот вопрос применительно к теме книги, Анна Соколова считает, что реформы, проводившиеся в похоронной сфере в раннесоветский период, не являются уникальными: они логично встраиваются в неоднородный процесс реформирования похоронной культуры, происходивший в Европе со второй половины XVIII столетия.

Монография включает в себя пять глав, а также приложение, куда помещены расшифровки наиболее значимых архивных источников. В обстоятельном введении описаны методологические основы, а также ограничения, которые определены

4 См., например: *Некрополи Ярославской губернии* (www.yar-genealogy.ru/0059_10.php); *Ковровский некрополь* (<https://kraeved-museum.ru/kraevedenie/kovrovskij-nekropol/>).

5 См.: <https://tiam-tula.ru>.

6 См.: www.whaticemetery.com.

рамками работы, – Анна Соколова подчеркивает, что используемые ею материалы касаются по большей части русского православного населения Москвы и Санкт-Петербурга. Она кратко описывает состояние похоронной сферы в Европе и Российской империи и говорит о разрыве, произошедшем с революцией: если в имперской России похороны занимали важное место в жизни общества, то в советское время они оказались вытеснены из публичного пространства.

По мнению автора, кажущиеся непоследовательными похоронные реформы отражают становление антропологических констант, лежащих в основе советского проекта. В новом мире просто не было места для смерти – она ассоциировалась с миром старым, побежденным. Попытка большевиков очистить похороны от религиозной составляющей и внедрить новые обряды не увенчалась успехом – полноценной замены найти все же не удалось, и большая часть населения продолжала воспроизводить издавна привычные ритуалы.

Одни из ключевых тем исследования – раннесоветские дискуссии о новой похоронной обрядности, а также рассмотрение разных видов советских похорон. Анна Соколова прорабатывает генеалогию похоронного церемониала советских вождей, показывая, как он наследует практику дореволюционных политизированных публичных похорон.

Автор уделяет внимание ряду похорон известных общественных деятелей, но упускает при этом публикации Мэтью Клопфенштейна, где он изучает влияние похорон дореволюционных актрис на российскую похоронную культуру⁷. Мэтью Клопфенштейн считает, что публичный образ политиков и актрис имеет много общего: прежде всего он рассчитан на формирование эмоциональной связи с народом. В начале XX века жители российских городов с большим интересом следили за жизнями представителей театра, кино, спорта – они, по мнению Мэтью Клопфенштейна, становились «образцами новых идей о личности и идентичности», и поэтому их похороны становились значимым событием⁸. На мой взгляд, этот феномен вполне находит продолжение в советский период, особенно как раз применительно к похоронам «вождей».

Отдельное место в работе занимают похороны Ленина – по мнению автора, они ярко подсветили проблемы, связанные со

7 Клопфенштейн М. *Смерть и похороны известных актрис и певиц накануне революции: эмоции, личность и новые виды общества*. Материалы международной конференции «Россия в мире. Зарубежная русистика: современные тенденции». 25 сентября 2017 года. С. 1–11; KLOPFENSTEIN M. *The Death of the Pre-Revolutionary Actress: Public Funerals, Cultural Status and Theater Identity in the Soviet 1920s // Конструирование «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. Материалы двенадцатой международной конференции молодых ученых 20–21 апреля 2018 года*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 54–59.

8 Клопфенштейн М. *Смерть и похороны...* С. 3.

смыслом похоронной обрядности. Похороны вождя не только продолжали дореволюционную традицию, становясь площадкой для политического высказывания, – они были местом столкновения старого и нового, имели парадоксально витальный характер, обозначали рождение нового мира.

Несмотря на оживленные дискуссии по поводу выработки единого советского способа погребения, создать его так и не удалось: «красные» похороны, истоки которых лежат еще во времена империи, не получили большого распространения за пределами круга наиболее активных коммунистов. Анна Соколова также указывает, что в раннесоветский период энергично продвигалась идея создания коллективных захоронений и отказа от индивидуального погребения – при таком раскладе предполагалось сохранять не кладбище как институт, а «систему коллективной памяти, поддерживающей и воспроизводящей самосознание партийцев» (с. 145).

Еще одна тема монографии – роль кладбища в пространстве социалистического города. Периферийное место смерти в сознании советского человека хорошо иллюстрирует тот факт, что кладбища отсутствовали как в градостроительных проектах, так и в их реальных воплощениях. Старые кладбища нередко меняли свою функцию: если некрополь не уничтожали, то кладбищенские постройки заселяли людьми, нарушая при этом все санитарные нормы. Кроме этого, в отдельных случаях городские кладбища благоустраивали и превращали в места прогулок, поскольку в некоторых городах они становились одними из немногих зеленых зон.

Надо отметить, что это не является советским нововведением, а с некоторыми изменениями продолжает дореволюционную практику – в имперский период кладбища также служили местами для прогулок⁹, – и здесь скорее можно говорить о сохранении этой функции, а не каком-то ее серьезном преобразовании. Анна Соколова также связывает гуляния, грабежи, разбой и мелкое хулиганство на раннесоветских кладбищах с изменением статуса этих территорий, однако здесь с ней можно не согласиться: все это было вполне типичным и в имперское время, о чем свидетельствуют многочисленные источники¹⁰.

Важной отличительной чертой советской политики являлась попытка совсем отказаться от захоронений в земле и внедрить кремацию как основной способ погребения – до революции об этом способе погребения в связи с его противоречием право-

9 Саладин А.Т. *Очерки по истории московских кладбищ*. М.: Летний сад, 1997. С. 6; Пучков С.В. *Московское городское Братское кладбище*. М.: Городская типография, 1915. С. 18.

10 См., например: Остроухов В.Ф. *Московское Лазарево кладбище. Историческое исследование, составленное на основании имеющихся в кладбищенской церкви разных документов*. М.: Типография В.В. Чичерина, 1893. С. 92–93; Саладин А.Т. *Указ. соч.* С. 8.

славным нормам не могло идти и речи. Крематорий же отлично вписывался в ландшафт советского города, вставая в ряд с промышленными предприятиями и, таким образом, делая смерть «растворенной» в повседневности. Описывая обширный исторический контекст, Анна Соколова показывает, что советский кремационный проект наследует западноевропейские идеи о кремации. Большевикам кремация была удобна сразу по нескольким параметрам: во-первых, она решала чисто техническую проблему утилизации тел в условиях переполненности кладбищ; во-вторых, служила инструментом атеистической пропаганды и еще одной точкой разрыва со старым миром. При этом автор подчеркивает, что решающим здесь оказывается именно первый пункт, поскольку необходимо было в кратчайшие сроки минимизировать похоронный кризис. Несмотря на активную пропаганду кремации, этот способ погребения не снискал большой популярности. Кроме того, строительство и поддержание работы крематориев оборачивались большими убытками для властей, поэтому довольно скоро идея массового внедрения крематориев была отложена.

В работе подробно разбирается похоронный кризис 1919 года и последовавшие за ним административные реформы. Муниципализация похоронного дела имела целью отстранить от него церковь, таким образом полностью переворачивая устоявшийся порядок. Нельзя сказать, что дореволюционное положение кладбищенского дела было идеальным, но оно, однако, имело относительно четкое разделение на зоны ответственности и потому достаточно успешно функционировало, особенно в крупных городах. Советская реформа, проводившаяся в духе *welfare state* и предполагавшая сделать похороны доступными для всех, не смогла учесть огромного количества вопросов, главным из которых было финансирование похорон, что привело к крупному кризису.

Ситуация, сложившаяся в результате неумелого администрирования и отсутствия средств, по мнению Анны Соколовой, сыграла значительную роль в процессе становления российской похоронной культуры, которая приобрела двойственный характер. С одной стороны, государство обязывалось предоставлять погребальные услуги бесплатно или за небольшие средства. С другой же стороны, для советского проекта похороны были делом абсолютно бессмысленным: отход от идеи посмертной жизни поднимал вопрос о необходимости сохранения тела вообще. В итоге вместо предполагавшегося изначально равного для всех погребения сформировалась двухуровневая система, при которой статусные похороны, как и до революции, приобретали характер запоминающегося общественного мероприятия, а похороны обычных людей, на-

против, становились все более незаметными и даже как будто бы маргинальными, что способствовало отсутствию разговора о смерти в публичном пространстве. И поскольку массовые практики погребения власть интересовали куда меньше, чем статусные, чаще всего, близкие умершего сами должны были решать проблемы, связанные с похоронами, что повлекло за собой появление «похоронных кустарей», а также распространение DIY-практик: самостоятельного изготовления гробов, оградок и прочих похоронных атрибутов.

В кратком эпилоге Анна Соколова описывает состояние похоронного дела в послевоенный период, в очередной раз иллюстрируя периферийность этой сферы для государства: вплоть до 1960-х хоть сколько-то важных реформ в кладбищенском деле не происходило. Впрочем, очередная дискуссия о похоронной обрядности, возникшая на волне второй антирелигиозной кампании, к существенным изменениям не привела. По мнению автора, бездействие власти было обусловлено прежде всего дефицитом ресурсов, а он в свою очередь стал следствием десемантизации смерти. И если в других социальных сферах советской власти в той или иной степени удавалось справляться с затруднениями, то разрешение похоронного кризиса и поиск новых смыслов оказались ей не под силу. Таким образом, похоронная инфраструктура оказалась в состоянии «поломки»¹¹, в котором и пребывает до сих пор.

Исследование Анны Соколовой во многом строится на дихотомии старого и нового. Ей удается показать двойственность советского проекта: с одной стороны, он подразумевал тотальный разрыв со старым миром, «очищение настоящего от прошлого» (с. 356) – с другой, полностью порвать с этим прошлым оказалось невозможным. Несмотря на отход от дореволюционных похоронных практик (в первую очередь сословного/классового принципа погребения), многие из них в том или ином виде были возвращены, что в очередной раз иллюстрирует явное или теневое воспроизводство элементов буржуазного общества в СССР¹².

Продолжая разговор о достоинствах монографии, нельзя не отметить обширнейшую источниковую базу, куда вошли многочисленные архивные материалы: протоколы заседаний, информационные бюллетени, личные дела, многочисленные отчеты, переписки, публицистика, источники личного происхождения и так далее. Многие из этих источников впервые

11 Мохов С.В. *Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка* // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146–147.

12 См., например: Куренной В.А. *«Советское» как предмет исследовательского интереса* // СССР. Жизнь после смерти / Науч. ред. И.В. Глущенко, Б.Ю. КАГАРЛИЦКИЙ, В.А. Куренной. М.: Высшая школа экономики, 2012. С. 297.

вводятся в научный оборот. Отдельно стоит отметить иллюстрации из личного архива антрополога Ниннель Полищук и самой Анны Соколовой. Тем не менее здесь же подчеркнут и недостаток этой базы: феномен фотофиксации похорон, получивший начало еще в дореволюционный период и широко распространившийся в советское время, автором рассмотрен не был. Между тем посмертная фотография стала частью похоронно-поминальной обрядности, важным элементом фиксации перехода от жизни к смерти, помогая адаптироваться к утрате¹³.

Помимо этого, крайне интересно было бы дополнить исследование анализом надгробных памятников, относящихся к изучаемому периоду. В первую очередь речь идет о дореволюционных надгробиях, которые в советское время активно использовались повторно. Очевидно, что эта практика – следствие похоронного кризиса 1919 года и отсутствия возможности самостоятельно сделать или купить памятник. В большинстве случаев прежние надписи на надгробии сбивали, закрашивали или закрывали табличками, но иногда оставляли, делая новую с другой стороны. Кажется, это отличный пример десемантизации смерти, нового подхода к осмыслению памяти о человеке, а также иллюстрация тяги к утилитаризму, свойственному советскому проекту.

Большое внимание Анна Соколова уделяет генеалогии советских похоронных практик, их связи с европейским и дореволюционным опытом. При этом в тексте иногда заметны «провисания», вызванные, впрочем, тем, что про устройство кладбищенского дела в имперской России сейчас известно крайне мало. В любом случае глобально на суть работы это не влияет: даже благодаря такому погружению в контекст становится понятно, что советская похоронная реформа – часть европейского современного проекта.

К структуре работы могут возникнуть вопросы: заключение как таковое отсутствует, из-за чего после прочтения возникает ощущение незаконченности, отсутствия цельного итога, суммирования результатов исследования. Однако, несмотря на некоторые пробелы, автору прекрасно удается показать, что советские преобразования разрушили идею похорон как адаптивного механизма к смерти и не смогли предложить ничего взамен. Попытка переосмысления смерти и реформирования кладбищенского дела была оставлена – эти вопросы пустили на самотек, что и привело похоронную культуру к тому состоянию, в котором она находится сейчас в России.

13 Подробнее об этом см.: Бойцова О.Ю. *Фотографии похорон // Она же. Любительские фото: визуальная культура повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 74–97.

Монография вносит большой вклад в дискуссию о том, можем ли мы называть советское общество современным, и дополняет концепцию советского человека, ранее практически не изученными, но крайне существенными сторонами. Отсылая к статье американского историка Томаса Лакера, можно сказать, что эта работа ставит перед читателем основополагающий вопрос: «Зачем нам мертвые?»¹⁴. Исследование Анны Соколовой – колоссальный труд по изучению раннесоветских похоронных практик, безусловно, заслуживающий внимания как исследователей мемориальных практик, так и всех, кто интересуется советской культурой и историей смерти.

14 ЛАКЕР Т. В. *Зачем нам мертвые?* // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21511/).